

Наташа Шторм

Доченька

Там, на неведомых дорожках

Наташа Шторм

**Доченька. Там,
на неведомых дорожках**

«Издательские решения»

Шторм Н.

Доченька. Там, на неведомых дорожках / Н. Шторм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967090-8

— Мы нашли её. — Частный детектив, которого я нанял два года назад, замялся. Я закрыл глаза и облегчённо вздохнул. Наконец-то. Мои двадцатилетние поиски подошли к концу, и скоро я увижу ту, которую ждал всю свою жизнь и потерял благодаря собственной глупости. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967090-8

© Шторм Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Доченька. Там, на неведомых дорожках

Наташа Шторм

© Наташа Шторм, 2019

ISBN 978-5-4496-7090-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Мы нашли её. — Частный детектив, которого я нанял два года назад, замялся.

Я закрыл глаза и облегчённо вздохнул. Наконец-то. Мои двадцатилетние поиски подошли к концу, и скоро я увижу ту, которую ждал всю свою жизнь и потерял благодаря собственной глупости.

— Не томи, Чарли. Знаю, ты любишь выдержать паузу, но мы не в театре.

Детектив провёл холёной рукой по аккуратно подстриженной бородке, демонстрируя печатку с собственными инициалами, и поправил галстук-бабочку.

— Я выразился неточно, мистер Жулин. Мы нашли не женщину, а сведения о ней, и, боюсь, они Вас не порадуют.

Я встал из-за стола и подошёл к окну. Ночной Нью-Йорк лежал, как на ладони. Когда-то меня завораживал этот вид, этот город, небоскрёбы и неоновые огни. Но теперь я устал от суеты и гула, от смога и людского муравейника. Мысли вернуться в Россию посещали всё чаще. Вот только куда возвращаться? Кто ждал меня на Родине?

— Не порадуют, говоришь? Нина замужем, имеет пятерых детей и возглавляет газодобывающую компанию?

Чарльз печально улыбнулся.

— Если бы результаты оказались такими, я не был бы столь несчастен. Видит Бог, Фил, я не люблю доносить до людей дурные вести.

Моё терпенье иссякло. Так хотелось схватить долбанного интеллигента за шиворот и вытрусить всю информацию без промедления. Сжав кулаки, глубоко вздохнул.

— И!

Детектив ослабил чёртову бабочку.

— Нина Митяева скончалась два года назад. Инсульт. Соболезную.

Смысл сказанного доходил с трудом. Нет, тут какая-то ошибка. Нельзя умереть от инсульта в сорок. Это нелогично, неправильно.

Я попытался расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Пальцы не слушались. Дёрнув за воротник, оторвал чертову пуговицу с потрохами.

— Не верю. Не может быть. Это какая-то другая Нина. Мало ли Нин Митяевых в России?

Чарльз из официального лица вновь превратился в моего старинного друга.

— Мужайся, сынок. Ошибка исключена. Твоя гм... знакомая жила в крохотном городке Первореченске. Она сменила свою фамилию на девичью фамилию бабушки по материнской линии. Потому мы так долго не могли выйти на её след. Агеева. Тебе это о чём-нибудь говорит?

— Агеева? — мне это ни о чём не говорило. Я не знал девичьей фамилии ни матери Нины, ни, тем более, её бабки.

Чарльз продолжил.

— Замужем госпожа Агеева никогда не была, но девятнадцать лет назад родила дочь, Марию. Послушай, Фил, возможно, это твоя дочь?

Я вернулся за стол и закрыл лицо руками. Дочь. Нет, такого просто не могло быть. Или могло? Но... но почему Нина ничего мне не рассказала?

Тяжёлая ладонь легла на моё плечо.

— Если ты пожелаешь, мы можем всё проверить, быстро, не привлекая излишнего внимания.

Я достал серебряную фляжку из ящика стола, сделал пару глотков и протянул Чарльзу.

— Твоя миссия выполнена, дружище. Я сам всё проверю.

Детектив допил русскую водку, крякнул и подмигнул.

— Если что — на связи.

Глава 1

Я держала в руках крохотный клочок тонкой серой бумаги и пыталась прийти в себя.

– Как СПИД?

Женщина, лет пятидесяти, поправила очки и окатила меня ледяным взглядом.

– А вот так. Не стоит трахаться с кем попало.

– Что? Я не... — голос сорвался на хрип.

– Вы все белые и пушистые, пока петух жареный не клонет. А потом стоите тут и блеете, как овцы. Ступай в тридцатый кабинет. Врач тебе всё расскажет, а моё дело маленькое — анализы выдавать.

Я отвернулась от окошка, за которым сидела фурия в медицинской пижаме, люто ненавидящая весь белый свет. Рассеянно посмотрела по сторонам. Цифры на дверях расплывались. Я всё ещё не могла сосредоточиться. Сделав пару шагов, вдруг поймала себя на мысли, что тут, в недавно выстроенном Центре по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями, толпится слишком много народу. Неужели все они больны, как и я?

Нервная дрожь пробрала до костей. Нет, я морально не могла отстоять очередь и войти в проклятый кабинет. Надо как-то настроиться, подготовиться, что ли. Вернувшись к окошку, вновь встретила с ледяным взглядом.

– Скажите, а ошибки быть не может?

Медсестра взвизгнула.

– Вы чего это себе позволяете, девушка? Мы тут серьёзным делом занимаемся, а не в бирюльки играем. Сказано тебе, иди в тридцатый. Молодая, а наглая.

Сил на пререкания не осталось. Если бы дело касалось не меня, а кого-то другого, я смогла бы осадить наглую особу и позаботиться о том, чтобы её не допустили к работе ни в одном медицинском учреждении. А вот бороться за себя всегда оказывалось сложнее. Да и стоит ли тратить последние нервы на скандал с хамкой, если победитель в битве известен заранее?

Ноги вывели меня из злополучного Центра и потащили обессиленное тело в сторону городского парка. Нет, я не собиралась топиться в пруду, где в это время года обитала чудесная пара белоснежных лебедей. И вешаться на многовековом дубе, в тени которого по приданию отдыхал сам Пушкин, не планировала. Мозг требовал тишины. Предстояло разобраться в ситуации и придумать, как жить дальше.

Усевшись на лавочку, откинула голову назад, подставляя лицо нежному послеполуденному солнышку.

Тишина. Какая звенящая тишина царил вокруг! Птицы умолкли, и даже листва застыла в предчувствии грозы. Я не видела на лазурном небосводе ни единой тучки, но точно знала, не пройдёт и часа, как на город обрушится очередной тропический ливень. Надо бы домой успеть добраться. Впрочем, какая теперь разница!

Мысли вернулись к насущному. Итак. Где я могла подхватить вирус? Мозг напрягся и включился в работу. Секса у меня не было, причём, ни с кем и никогда. В свои почти-что-двадцать я выглядела, скорее неоформленным подростком, чем барышней во цвете лет. Одевалась соответствующе: джинсы, кеды и растянутые майки. Мама всегда ругала меня за такие прикиды, даже несколько платьев купила. А зря. На вешалке наряды смотрелись гораздо лучше. Я не расстраивалась, не раздражала Бога жалобами на внешность Гадкого Утёнка. Я знала, что однажды, если и не превращусь в прекрасного лебедя, то стану вполне приличной уткой. Мама смеялась, слушая мои умозаключения. Ей, писаной красавице, это было дозволено. Я сожалела, что не унаследовала от неё ни капли обаяния, ни одной черты, кроме цвета глаз, пожалуй. Чёрные цыганские очи, обрамлёнными длинными ресницами, являлись нашим

фамильным достоянием. Всем же остальным моя внешность была обязана папаше, которого я в глаза никогда не видела. Тонкий нос с горбинкой, слишком пухлые губы, слишком широкие, сросшиеся на переносице брови, слишком очерченные скулы. Возможно, на мужском лице всё это смотрелось неплохо, но к моему совершенно не подходило. Но самое худшее заключалось в груди, точнее, в её размере. Вот уж, действительно, насмешка природы. На худосочном теле красовались две выпуклости пятого размера. Это было так неоправданно, нелепо и некрасиво, что я утягивала достояние, как могла, пряча результат под объёмными футболками.

Резкий звонок разорвал оглушительную тишину. Порывшись в кармане безразмерных брюк, прибавлявших моей попе сантиметров пять, нашла телефон. Славка. Как некстати! Отвечать не хотелось, но обязательства перед редакцией, где внештатный фотокорреспондент Славик Воробьёв проводил большую часть дня, заставили преодолеть «не хочу», «не могу» и «не буду».

– Кровавая Мэри? Читал твоё разгромное интервью. Тут все на ушах стоят. Круто. Поздравляю. Теперь многие шишки полетят с насиженных ими же ёлок.

Я рассмеялась.

– Я не кровавая Мэри. Я Волк, санитар леса. И, если в моём лесу станет немного чище, вздохну свободнее.

Славка хихикнул.

– Я бы на твоём месте, Агеева, паковал чемодан и бежал куда-нибудь в самую чащу. Тут скоро такие разборки начнутся — мама не горюй. Ты же не хочешь под раздачу попасть?

Попадать под раздачу, действительно, не хотелось. Хотя, что со мной могло случиться? Мне сто раз угрожали через руководство, пока я готовила материал. Чували, гады, что дело керосином пахнет. Уговаривали, денег гору предлагали. Шеф только посмеивался.

— Эх, Агеева! Вот сдам тебя за миллиард долларов, и на Таити!

Я тоже смеялась, зная, что главный редактор ни за что не сдаст местного Робина Гуда жестоким властям.

Я была такой же принципиальной, и моя принципиальность граничила с глупостью. Вот взяла бы тогда миллионов десять, и было бы, на что избушку себе купить в той самой чаще.

– Эй, Агеева, ты на проводе?

– Пока на лавке.

Славка рассмеялся.

– Вешаться собралась? Не стоит. У меня вариант кайфовый есть.

Я не знала, с чего мой друг решил, что ни сегодня, так завтра, по мою душу в крохотный Первореченск примчится толпа киллеров, нанятых губернатором области, но и такой вариант имел место быть. Да, статья получилась убойной. Оставалось передать компромат в прокуратуру и дать делу ход. Все махинации уважаемого господина Лебзина подтверждались документами. Хотя нет, не все, только та малая толика, которая касалась дорогого сердцу Первореченска. Миллионы, выделенные на ремонт дорог, строительство новой школы и переселение жильцов трёх ветхих пятиэтажек, осели на личных счетах слуги народа. Это он должен незамедлительно паковать чемоданы, пока в просторный кабинет не явились люди в масках. Но странное чувство подталкивало к побегу именно меня. Нет, не страх, скорее осознание того, что больным чумой XXI века нет места среди людей.

– В чём подвох? Ты никогда ничего за так не делал.

Славка обиделся.

– Агеева! Слезь с коня, прислони копьё к забору и задери забрало на своём шлеме повыше. Возможно, тогда ты увидишь, что маленький никчёмный Славик, гонимый редакционными братьями, питает к тебе искренние, дружеские и, заметь, бескорыстные чувства.

Я только головой покачала.

– Продолжай, о бескорыстнейший из смертных!

Фотограф выдержал паузу.

– Дубровино. Слыхала о таком местечке?

Я задумалась.

– Пожалуй, нет.

Трубка часто задышала.

– Боже! С какими невежами приходится работать мне, интеллигентному начитанному человеку. Ну, вспоминай, сорок километров от Первореченска на юг. Там ещё дуб остался, под которым Лермонтов отдыхал.

Я тяжело вздохнула. Судя по городским легендам, почившие классики разобрали все местные дубы. Вот негде им было отдыхать, как только в нашем захолустье!

– Ладно, тупейшая из моих подруг. Не напрягай единственную извилину. Навигатор включишь, он тебя до места и доведёт, как клубочек волшебный.

– Допустим. А дальше чего?

Славик кашлянул.

– Бабка почившая мне домик оставила. Поживёшь пару недель в избушке на курьих ножках, в молочной речке поплаваешь, кисельные берега потопчешь, в лесу мухоморы пособираешь, а заодно и цепь отыщешь на дубе том.

Рассуждать, что данные строчки принадлежали Пушкину, казалось неуместным. Если Славка вбил в голову, что Кот Учёный вышел из-под пера Лермонтова, опровергнуть сей факт мог только первоисточник.

– Плату какую взимать станешь?

Кажется, я обидела друга во второй раз.

– Ни копейки не попрошу. Но... тут такое дело... Словом, в последний ураган у избушки крышу снесло. Почини, и мы в расчёте.

Нет, чего-чего, а такой наглости от коллеги я не ожидала.

– Может, газ ещё протянуть, воду, электричество? А, знаю, бассейн выкопать, и поле для гольфа соорудить.

Славка надулся.

– Электричество там есть, и вода в колодце. А газа совсем не надобно. Печь дровами топить можно. Их там целый сарай.

Я вскочила с лавки.

– Сделка отменяется. Как я, по-твоему, крышу чинить буду?

Не услышав первой части, Воробьёв вздохнул с облегчением.

– Вопрос конструктивный. Мужиков найми. За две пол-литры тебе шифера нашиферят.

Ну, решайся.

Вновь упав на скамейку, я обречённо кивнула.

– Ладно. Две пол-литры ещё по-божески. Диктуй адрес.

Глава 2

Старая электричка еле ползла по рельсам, угрожающе поскрипывая списанными вагонами. Эх, было бы у меня время, обязательно написала бы очередную разгромную статью по этому поводу. Но времени не было. Болезнь прогрессировала. Я нашла у себя все симптомы, коими пестрил интернет: слабость, вялость, сонливость, головокружение, апатию, и неестественную кахексию, в простонародье именуемую худобой. Перебирая до бесконечности все варианты заражения, я так и не смогла установить точной даты. Кровь мне не переливали, уколы кололи (дай Бог памяти) ещё в школе, — прививки по возрасту. Ни парикмахера, ни маникюршу, я в жизни не посещала. Об этом красноречиво свидетельствовала толстенная коса, болтавшаяся ниже попы и обгрызенные ногти. Нет, ногти я не грызла, в смысле постоянно. Дурная детская привычка напоминала о себе в период острых душевных волнений. Да и то, только тогда, когда все карандаши в доме и в редакции были перепробованы на вкус. Что ещё? Ах, да, секс и наркомания. Дурманом я не баловалась и любовью ни с кем не занималась. Не то, чтобы я блюла себя и тряслась над собственной невинностью, просто желающих лишить меня того самого дорогого до сих пор не нашлось. Меня воспринимали, как хорошего парня, верного друга, талантливого репортёра. А вот, как девушку...

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Да, страшенькая, да, неухоженная, зато умная и смелая. Тело тяжело вздохнуло. А что, если я родилась со СПИДом, поэтому и не получила ни форм, ни стати? Эту идею пришлось отмести, как очередную нелепицу. Естественно, новорожденных проверяли на всё даже двадцать лет назад. Не было у меня этой беды. Тогда что? Кара небесная?

Не получив ответа о причинах, я перешла к следствию, как жить дальше? Сколько мне осталось? Год? Пять лет? Десять? Я протяну отпущенное время и умру от пневмонии. Так вещал интернет. Интересно, пневмония, это больно? Я никогда ничем не болела. Возможно, поэтому и страха не было.

Телефон в моём кармане завибрировал.

— Агеева! Как ты? Добралась?

Я тяжело вздохнула. Несчастные сорок километров превратились для меня в дорогу, длиною в жизнь. Сто раз пожалела, что не взяла свою машину. Но садиться за руль с таким диагнозом казалось преступлением. Вдруг умру на скорости за рулём? Из-за меня могут пострадать ни в чём не повинные люди.

— Эй, Мэри, ты заснула, что ли?

— Отцепись, Воробьёв. Как прибуду, сообщу.

Славка засмеялся.

— Связь в Дубровино плохо ловит. Только на холме антеннки появляются.

— Письмо тебе отправлю с голубиной почтой.

Мой друг перешёл на шёпот.

— Вот писем не надо. Ты вовремя свалила. Тут по твою душу явились серьёзные ребята. На вид — киллеры из американских боевиков. Редакцию потрясли, но никто и не знает, где ты. А я, естественно, тебя не выдал и не выдам, ни под пытками, ни за деньги.

Я насторожилась. Неужто недооценила губернатора?

— Давай так, Агеева, Установим время связи. Ты на холм карабкаться будешь часиков в семь, а я в это же время новости городские тебе докладывать стану.

— Оплату чем на этот раз возьмёшь?

Славик кашлянул.

— Ты там, в избе, приберись. И будем в расчёте.

Ох уж эти мужики! Вот они вполне могли ходить по пыльным полам и спать под паутиной. Никто даже не заметил бы груды грязной посуды и засиженные мухами стёкла. Мы же, девочки, рождались абсолютно другими.

– Естественно, приберусь. А зачем тебе это? Что, в гости решил нагряться?

Воробьёв завис.

– Ну... э... покупателя почти нашёл. Надо бы товарный вид избушке придать.

У меня отлегло от души. Встречать гостей не было настроения.

– У тебя есть месяц, Машка. А потом продам избёнку к едрени фени, и уеду жить в Сочи. Осточертело тут всё.

Электричка замедлила ход. Вагоны жалобно скрипнули и остановились. Старушка, сидевшая рядом, толкнула меня локтем в бок.

– Дубровино. Вылезай, коли надо.

Наскоро простившись с коллегой, я понеслась по проходу, волоча за собой огромный чемодан со всеми пожитками. Ещё лишь миг, я мои ноги коснулись перрона.

Глава 3

И где деревня? Нет, я не могла ошибиться. Покосившаяся вывеска гласила о моём прибытии в пункт назначения. Но, ни таксистов у здания вокзала, ни самого здания я не нашла. Густой непролазный лес. Куда идти? Бродить по неведомым дорожкам в надежде встретить грибников или охотников не хотелось. Сразу потянуло назад, в цивилизацию. Кинув взгляд на огромный чемоданище, решила дожидаться, когда чудо локомотивостроения прошлого века помчит обратно. Расписание движения поездов отсутствовало. Но не могли же те самые поезда идти в один конец? Усевшись на собственные вещи, подпёрла голову руками и зажмурилась.

Наверное, я уснула. Открыв глаза, обнаружила себя, лежащей поперёк чемодана, а рядом бородатого мужика. Мужик тряс меня за плечо, как спелую яблоньку.

– Ты чего разлеглась, дочка? Если электричку ждёшь, то она только завтра к вечеру будя. Я встрепелась.

– Неа. Мне в Дубровино. Где тут у Вас такси стоят?

Мужик рассмеялся.

– Вона такси. Хошь шашечки прям щас нарисую?

Бросив взгляд в указанную сторону, я обомлела. Метрах в ста стояла телега, доверху наполненная сеном, а рядом паслась тощая кляча.

Я с тоской посмотрела на мужика.

– Боливар двоих не выдержит.

Тот рассмеялся, обнажая безупречные белые зубы.

– Савраска-то? Не смотри, что тощий. Он жилистый. Не конь, — ветер.

Кляча скосила на нас выпуклый глаз и фыркнула.

– Фёдор я. Можно Егорыч, а для своих — бабкин дед.

На вид я бы дала деду лет пятьдесят, да вот манера общения добавляла мужику годков двадцать.

– Ладно, поехали, Фёдор Егорович.

Водрузив чемодан на верхушку стога, мы уселись на обшитую ватником доску и одновременно перекрестились.

Фёдор взял в руки поводья и серьёзно посмотрел на меня.

– Держись, девка, крепче, шоб не сдуло по дороге.

– Я Ма-а-а-ша.

Мой крик утонул в ржании коня, который, встав на задние копыта, огласил гудком окрестности и, обдав нас облаком выхлопных газов, помчался, как сумасшедший. Такой прыти от лошадки я не ожидала. Вцепившись руками в доску, служившую сидением, я широко развела ноги и упёрлась в край телеги.

Савраска нёсся по известному лишь ему маршруту, лихо перепрыгивая с тропы на тропу, пробуксовывая на поворотах всеми четырьмя копытами, и, издавая при этом странные звуки. Телегу мотало из стороны в сторону, подкидывало на валунах, кренило на виражах. Словом, адреналина хватило на всех. Мы ехали не больше пятнадцати минут, но эти минуты показались мне вечностью.

Когда лес расступился, и вдали показалась деревня, я вздохнула с облегчением. Фёдор натянул поводья. Савраска сбавил ход и потрусил по колее, изображая полудохлую клячу.

– Тут бабы наши полицейского положили.

Меня передёрнуло. Страшно было спросить, чем местным жительницам не угодил блюститель порядка. Но, проехав ещё метров триста, я увидела помост из булыжников. Деревенский аналог «лежачего полицейского».

– Это для того, чтоб скоростной режим никто не нарушал.

Телега плавно переползла преграду, и я заметила вывеску. «Добро пожаловать в Дубровино. До исторического охраняемого дуба 100 метров. Граждане туристы! Берегите природу, мать вашу». И стрелка.

– А что? Тут много туристов?

Фёдор пожал плечами.

– Ты первая. Вот как Славка рекламу дал, так дело и пошло.

Хотелось сказать, что я не по рекламе, и не туристка совсем, а жертва обстоятельств, но язык прилип к нёбу.

На не асфальтированной дороге, упершись в огромные бока пудовыми кулачищами, стояла женщина. Нет, такая могла не только коня на скаку остановить. Ей целая конница Будёного была ни по чёму. Да и в избу горящую входить ей не требовалось. Плюнула бы разок, другой.

– Бабка моя. Любавушка, леблядь белая, красавица.

Я со смешанными чувствами смотрела на танк в юбке. Лицо красавицы не выражало ничего хорошего.

Савраска засеменил к хозяйке и уткнулся в пышную грудь влажным блестящим носом. Потрепав коня по гриве, леблядь белая достала из-за пояса увесистую деревянную скалку и сделала шаг по направлению к мужу.

– Ты чё, хрыч старый, импотент хренов, опять за старое принялся? Девочек на станции снимаешь?

Егорыч скукисился и попытался спрятаться за меня.

– Любушка, голубушка! Ты где тут девочек видишь?

Скалка упёрлась мне в лоб.

– А это кто?

Водитель клячи съёжился ещё сильнее.

– Это девка? Ты чё такое говоришь, сладкая моя? Это туристка. Человек без полу и возраста.

Обидно. И пол, и возраст у меня был. Но тут в голове родился план. Если все жители Дубровино обладали подобными формами и являлись потомками викингов, опасаться за свою жизнь мне не придётся. Нужно только контакт правильный установить.

Выпрыгнув из телеги, перекинула косу, нашпигованную сеном, назад и попыталась улыбнуться.

– Меня Маша зовут. Маша Агеева. Журналистка в бегах. Туристка по совместительству.

Лицо Любавы расслабилось. Морщинки на переносице разгладились, а глаза округлились.

– Это как?

Глава 4

Почившую бабушку Славки звали Варварой Трофимовной. Мы сидели в просторной горнице крепкой деревенской избы и пили чай.

Отдать должное Любаве, или бабе Любе, с задачей гостеприимной хозяйки она справилась отменно. Голос, подобный пожарной сирене, собрал вокруг избышки на курьих ножках всех обитателей Дубровино. Лебёдушка только глазом моргнула, а каждый понял свою задачу.

Не прошло и часа, как местные мужики залатали пробоину в крыше, а местные бабы убралась в доме. Теперь сельчане спешили к нам на званый обед со своими же разносолами.

— Вот так всё и было. Славка сказал, что губернатор киллеров по моим следам послал. Спрятаться тут предложил. Я виновато отодвинула от себя литровую кружку с очередной порцией парного молока. — Я тут ненадолго. Не хочу вас под удар ставить.

От громкого смеха местных жителей изба задрожала.

— Так ты за нас переживаешь, дочка? — Женщина, удивительно похожая на дедову бабу, поправила пышный бюст. — Зря нервы тратишь. У нас в каждом доме оружие имеется, от винтовок до автоматов. Тут копатели чёрные работали. Так мы всё выкопанное конфисковали, именем государства, да в порядок привели.

— Ага. — Двухметровый молодец, сидевший слева от меня, кивнул, сотрясая копну русских волос. — И ружья, и патроны к ним ма. А у деда Афанасия пулемёт с гражданской остался.

— И что? Стреляет? — мои уши шевелились, как локаторы, улавливая информацию, летевшую со всех сторон.

— Ась? Куда стрелять треба? — Белый, как лунь, старец, мирно спавший в углу, оживился.

— Никуда не треба, деда. — Статная женщина, разливавшая чай, махнула рукой. — Не нервируйся попусту, а то давление подскочит, укол колоть буду. Оно тебе надо?

Афанасий затих в углу, имитируя глубокий сон.

— Это Галка, медсеструха наша. — Егорыч склонился к самому уху. — У ёйного мужа в сарае танк стоит. Правда, Пашка, твою дивизию, третий год починить его не могёт. Или могёт, но помалкивает. Чую, сурприз нам готовит!

— А истребителей у вас, случайно, нет?

Народ замолк и переглянулся.

— Ты шпиёнка? — здоровенный мужик, подпиривший плечами дверной косяк, взглянул на меня не по-доброму. — Егорыч, ты проболтался, хрен старый?

Фёдор сжался.

— Не. Я ни словечком. Вот вам всем крест. Можя, она ясновидящая?

Моя невинная шутка грозила обернуться могилой. Наличие в селе истребителя, видимо, являлось самой страшной и самой охраняемой тайной.

— Да будя вам, — Любава разрядила обстановку. — Тоже мне истребитель. Весь фюзюляж рыбы обглодали.

Народ натянуто рассмеялся, но напряжение не исчезло. Ссылаясь на скотину, которую кормить надо, сельчане разошлись.

Баба Люба быстро убрала со стола, вымыла посуду в жестяном тазу и расставила её сушиться на рушник.

— Давай, твою чашку ополосну.

На меня вновь нахлынула волна отчаяния. Вцепившись в глиняную ручку, я замотала головой.

— Нет. Её продезинфицировать нужно.

— Про что? — не поняла Любава.

— Ну... намыть хорошо, а лучше в кипятке проварить.

Женщина уселась за стол и подпёрла кулачищем волевой подбородок.

— Это видано ли дело, кружки варить. Ты часом не того? — указательный палец покрутил у виска. — Или так теперь в городе принято?

Я тяжело вздохнула.

— Это будет правильно. Хворая я. Вирус во мне сидит. А при кипячении он погибает. Вот. Любушка всполошилась.

— Ты тут побудь маленько, а я Галку к тебе зашлю. Умная она баба. В городе годков пять проработала. Она этот вирус в тебе в момент убьёт. Вот Егорыч мой насморк прошлой зимой подхватил, помирать уже собрался, так она его на ноги за неделю поставила.

Я только открыла рот, чтобы объяснить, чем чревата моя болезнь, а бабки и след простыл.

Выйдя из-за стола, прошлась по избе. Красотища! Именно такие строили наши предки на века. Всё тут делалось добротнo и основательно. Я размышляла, хватит ли у меня денег, чтобы перекупить домовладение у Славкиных покупателей, когда дверь широко распахнулась, и на пороге возникла Галина.

— Ну, кто тут доктора вызывал?

Огромный чемодан плюхнулся на стол. Я села на лавку и зябко поёжилась.

— Да не нужен мне доктор. Никто не нужен. Моя болезнь неизлечима.

Гала лишь плечами повела.

— Да нету таких болезней. Мать моя травками лечила, мать матери и мать матери матери молитвами отчитывали. А меня в училище послали, шоб ещё лучше в хворях разбиралась.

— СПИД у меня. Слыхала про такое?

Женщина упала на табурет.

— Это ж как, болезная?

Сама бы знать хотела.

— Даже предположить сложно. Я все варианты перебрала. Ни уколов, ни парикмахеров, ни наркотиков.

— Может, мужик твой заразу притащил?

Хотелось рассмеяться, но я сдержалась.

— Галина! Посмотрите на меня внимательно. Какой мужик на меня позарится? Не было их и нет.

Во взгляде целительницы я прочитала сочувствие.

— Ты вот чего, подруга, слухай сюды. Я про этот СПИД всё знаю. Вот так просто диагноз никто не поставит. Тут обследоваться надо. Что при СПИДе опасно?

Я пожала плечами.

— Всё.

Галя рассмеялась.

— При СПИДе опасно простуду подцепить или болячку какую. Иммуитет слабенький. Организм не справится. Мы твой иммуитет укрепим, а Бог даст, так и вылечим. Вирус, он где живёт?

— Где?

— В клетке. — Опытному медработнику доставляло удовольствие просвещать необразованную журналистку. — А мы его выманит из клетки, и вдарим по нём из всех орудий залпом.

Я улыбнулась. Учёные всего мира бились над созданием вакцины, а Галя из Дубровино всё держала под контролем.

— И про мужиков не парься. Здоровичко поправим, и женишка тебе найдём. Хошь, Лёху, племянку мого, хошь, Даньку, крестничка?

Память услужливо высветила двух добрых молодцев, скромно подпиравших бревенчатую стену.

— Не, Гал. Вряд ли я им приглянусь. У меня ни кожи, ни рожи.

Галина вновь тяжело вздохнула.

– Да поправим тебя, подруга. Вот рецепт. Капуста для доек, молочко парное для бёдрышек.

– Для доек?

Медсестра кивнула и провела рукой по собственному бюсту.

– Вилки утром, вилки вечером. В обед три литра молока. Всем нужным я тебя обеспечу.

Ушам не верила. Если бы всё было так просто, любая коза могла бы превратиться в корову. Но я уродилась человеком, и два вилка в день мой бедный желудок мог не переварить. Впрочем, спорить с местной медициной казалось бессмысленно. Дружные селяне могли запросто связать меня и впихнуть продукты насильно.

– Я тогда побегу? Завтра зайду. Отварчики тебе для иммунитета сварганю, да провиант с огорода соберу.

Простившись с целительницей, посмотрела на часы. Без четверти семь. Что ж, пора отыскать нужный холм и связаться со Славкой.

Глава 5

Я провёл в дороге двое суток, устал, как собака, но даже сейчас, устроившись в поезде «Москва-Первореченск», так и не смог уснуть. Чтобы собраться с мыслями, пришлось выкупить всё купе. И теперь, прилипнув к окну, я тупо наблюдал, как мимо проплывали поля и леса моей необъятной Родины.

Дверь отъехала с отвратительным скрипом. Проводница вагона бесцеремонно вошла и уселась напротив.

— Чай будите?

— Да. Цейлонский. Один кусок сахара.

Женщина рассмеялась.

— Краснодарский, но с лимоном. — Поправив форменную рубашку, она подмигнула. — Что, иностранец?

— Заметно?

Неужто за двадцать лет я приобрёл акцент?

— А то! И одет фильдеперсово, и вежливый, до дрожи в коленках.

Я рассмеялся.

— Двадцать лет на Родине не был. Вот еду дочь повидать.

Проводница кивнула.

— За двадцать лет много воды утекло. Не узнаешь свою Родину. Ладно, пора мне. Так с лимоном?

Я кивнул и погрузился в свои воспоминания.

Двадцать лет назад

— Я не пью кофе, Филипп. Чай с лимоном, если есть.

Чай у меня был всегда, но самый дешёвый, в пакетиках, а вот на лимоны средств не хватало. Летом они были особенно дорогими. Зато я успел купить шампанское.

— Нинка, мне даже не верится, что ты согласилась переехать ко мне. Просто чудо какое-то.

Девушка, сидевшая напротив, улыбнулась. Боже! Как я любил, когда Нина улыбалась. Её хорошенькое личико в форме сердечка начинало излучать свет. И от этого света у меня за спиной вырастали крылья.

— Филипп, я устала разрываться между общагой и твоей холостяцкой берлогой. У меня руки отваливаются таскать сумки с продуктами сначала к себе, а потом тоже самое к тебе, но уже в кастрюлях.

Я чувствовал себя виноватым. Проклятая работа отнимала всё время. Денег я почти не зарабатывал, но каждый день летел в НИИ, воодушевлённый очередной идеей. Нина стояла на земле крепко. Учёба в училище днём, работа в продуктовом вечером. Она умудрялась варить борщи, печь пироги и баловать меня шоколадом, который постоянно требовал мозг. Я знал, что верну всё сторицей, вот только доведу проект до ума, а пока жутко комплексовал, но жил за её счёт.

— Я тебе подарок принесла.

Это было слишком. Какие подарки? Это я должен дарить цветы и конфеты, водить любимую по ресторанам, но сейчас...

— Примерь. — Тонкий кашемировый свитер выпал из пакета на диван. — В твоём локти протёрлись уже до дыр. Штопать бесполезно.

Я чуть не завыл. Точно такой носил наш директор, и стояла данная вещь недёшево.

— Зачем? Мы же договорились. Вот оплатят проект, тогда и шиковать начнём.

Нина посмотрела на меня с сочувствием.

– Зай! Это не роскошь. Простынешь — на таблетки больше потратимся. Мы же семья, то есть, почти семья. Занимайся спокойно работой, а о хлебе насущном я позабочусь. А как получишь гонорар, я с удовольствием всё брошу, училище спокойно окончу, детишек лечить начну. Ну, не вредничай. Примерь.

Краснея, я натянул свитер.

Мы познакомились с Ниной на площади. Я заметил в толпе девушку с огромным батоном и уже не мог отвести взгляд. Не от батона, хотя в то время перебивался бичпакетами с сублимированной гадостью. Мне показалось, что я знал её всегда. И этот поворот головы был мне знаком, и то, как она двигалась. Я мог передать все интонации её голоса, хотя даже не слышал его. В голове стучало одна мысль. Я должен познакомиться, во что бы то ни стало. Это моя судьба, моё будущее, моя вторая половинка.

Мы кормили лебедей в городском парке и болтали, как старые знакомые.

– Переезжай ко мне.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Не могу. У меня бабушка.

– И что?

Нина рассмеялась.

– А то, что она учительница. Боюсь, ей не понравится, что я переехала к парню в первый день знакомства.

Я обнял её за плечи.

– А ты бы хотела?

– Хотела. Чего жеманничать? Когда я увидела тебя, поняла, что ты и есть моя вторая половинка. Не веришь?

– Верю. — Я прижался сильнее к хрупкому телу.

Очередной кусок батона полетел в воду.

– Знаешь, мои родители погибли три года назад, оставив мне жильё, но я переехала к бабушке за тысячу километров и не пожалела. Замечательный городок у неё. Знаешь, там есть такой же пруд, и в нём всё лето гнездится точно такая пара лебедей. А ещё там стоит дуб, огромный, раскидистый. Говорят, под тем дубом сам Пушкин отдыхал. Только мне кажется, что в каждом городе есть такая легенда.

В моём такой легенды не было. А так хотелось посреди серости и унынья получить небольшой кусочек сказки.

Именно тогда я пообещал себе, что сотворю ту самую сказку для Нины, сделаю для любимой всё, и даже больше.

Нина сидела на стареньком диване, поджав ноги. Она всегда мёрзла. Я укутал её пледом и включил комп.

– Как дела на работе?

Меня так и подмывало рассказать все новости, но хотелось получить гарантии. В последнее время я стал суеверным.

– Порядок. Дела сдвинулись. Сегодня зарплату получил. В тумбочке.

Я искренне надеялся, что это последняя моя зарплата тут, в России.

– Круто. А я подарок тебе купила. Вот.

На журнальный столик перекинула коробку с новомодным бритвенным станком.

– Зачем?

Девушка усмехнулась.

– Завтра у тебя День Рождения. Хотела сделать подарок, но так получилось... Словом, тебя ждёт другой сюрприз.

– И какой?

На компе высветились результаты последней проверки системы. Я погрузился в мир цифр и формул.

– Завтра. Всё завтра.

— Ваш чай, господин иностранец! — болтливая проводница вновь вернула меня в реальность.

Сюрприз. Нина говорила про какой-то сюрприз. Вынув из кошелька десять долларов, протянул ошалевшей женщине.

– Без сдачи.

Нырнув рукой в дорожную сумку, вытащил папку. Копия свидетельства рождения.

Нина родила дочь 29 сентября. А именины мы справляли 15 марта. Что, если сюрприз... Передо мной всё поплыло. Маша! Машенька! Мой девятнадцатилетний сюрприз. На глазах навернулись слёзы. Где-то в маленьком незнакомом городке жила моя дочь, наша с Ниной дочь. Я сожалел, что не смог, не успел сотворить для любимой ту самую сказку. Но для девочки я сделаю всё, и даже больше.

Перепрыгивая через весенние проталины, я бежал домой на всех парусах. Свершилось! Годы кропотливой работы остались позади, а впереди нас ждала Америка. Огромные деньги, свой дом, отдых в любой точке мира. Я представлял, как куплю яхту, и мы помчимся вдоль побережья, заполняя лёгкие пьянящим воздухом океана.

Нина суежилась у плиты. Схватив любимую на руки, я закружил её по комнате.

– Мы богаты! «Suit&Country Corporation» при Вашингтонском университете подписала со мной контракт на пять лет. Представь, у меня будет своя лаборатория и целый штат сотрудников.

Поставив любимую на пол, кинулся к шкафу.

– Нужно лететь в Москву. Виза и всё такое.

Кинув спортивную сумку на пол, уставился на девушку.

– Что с тобой? Ты не рада? Увольняйся ото всюду, забирай документы из училища. Через три месяца я тебя встречу в Штатах.

Нина села на табурет и вытерла лоб кухонным полотенцем.

– Америка? Это хорошо. Но мне бы хотелось, чтобы наши дети появились на свет тут, в России.

Я скидывал аккуратные стопки вещей в сумку.

– Давай с детьми немного подождём. Ладно? Поживём для себя, устроимся на новом месте.

Нина улыбнулась.

– Конечно. Куда торопиться?

Три месяца ада. Я не мог связаться с женщиной, которую любил больше жизни. Вырвался в Россию на пару дней. На кухонном столе нашёл записку.

«Не хочу портить твоё будущее.

Прощай!»

Клочок пожелтевшей бумаги до сих пор лежал в моём кошельке, как напоминание о молодости, о счастливых днях, о короткой, но яркой любви. Сначала я злился, а через год решил разыскать Нину, просто для того, чтобы посмотреть в глаза. Поиски вылились в двадцать лет,

в двадцать мучительно долгих лет. И что теперь? Как примет меня двадцатилетняя девушка? Захочет ли поговорить? Я готов был упасть на колени и вымаливать прощение.

Глава 6

Холмов в округе было два. Чтобы залезть на первый, предстояло миновать густой ельник. Второй же возвышался в шаговой доступности, но был, в общем-то, обитаем. Огромный дом, обнесённый забором, напоминал замок Кощея Бессмертного. Немного поразмыслив, решила идти туда. Даже если появятся хозяева, объясню ситуацию. Ну не куплен же этот холм, в конце концов.

Весело напевая себе под нос, я подошла к подножью. Да, издали сей Эверест казался намного ниже. Ливни размыли ухабистую дорогу, ведущую вверх, а карабкаться по траве казалось и того сложнее.

Впрочем, трудности меня никогда не пугали. Зажав сотовый между зубами, я начала штурм неприступной горы, цепляясь за тонкие деревца, попадавшие на моём пути. Не прошло и года, как я сидела на пне возле неприступного забора и пыталась поймать волну. Три деления. Маловато. Выше меня был только забор. Вспомнив мальчишеское детство, отошла подальше, взяла разбег оттолкнулась от мокрого пня. Оп! Я уже висела, вцепившись пальцами в необструганные брёвна. Майка быстро промокла. Миллион заноз вонзились в живот. Но отступать я не привыкла. Подтянувшись, упёрлась в дерево носками кроссовок и...

Я сидела верхом на круглом полене, выставив вперёд руку с телефоном. Да, я сделала это! Взглянув краем глаза во двор, поняла, что дом необитаем. Он смотрел на меня пустыми глазницами оконных проёмов, и недовольно ворчал, поскрипывая гнилыми ставнями. Интересно, кому сей шедевр принадлежал? Если бы удалось поменять мою новенькую «Ладу» вот на такие хоромы...

Громкая трель сотового напомнила, зачем я тут появилась. Испугавшись, чуть не выронила телефон, который сделал немыслимый кульбит и вновь очутился в моих руках.

– Агеева! Ты опоздала на двадцать минут. Мы во сколько договаривались разговоры разговаривать?

Обтерев грязную щёку чистым краем майки, приложила средство связи к уху.

– Тут холм заколдованный. Еле влезла. А ещё дом странный и забор высоченный.

Славка рассмеялся.

– Держись от дома подальше. Говорят, его помещик местный строил. Столько душ в подвале уморил, что порешили его крестьяне. Теперь не упокоенный дух выходит по ночам и ворует юных девушек.

– На ходу сочинил? Браво!

Славка обиделся. Не веришь — у Егорыча спроси. Он в Дубровино вроде старосты. Всё знает, за всех отвечает.

Я посмотрела на темнеющий небосклон. Стало как-то жутковато. Очередной порыв ветра захлопнул ветхие ставни. Я вздрогнула и перекрестилась.

– Агеева! Ты где?

– Да тут я, тут. Ты, давай по делу говори. Времени нет.

Славка усмехнулся.

– Гордись. Я выяснил, что боевики в редакции искали.

Я разозлилась.

– Говори. Или на очередное вознаграждение нарываешься?

– Угу. Значит. Условие у меня такое. Как новое расследование начнёшь, меня с собой возьмишь. Поняла?

Моё возмущение перевернуло чашу терпения.

– Не обсуждается. Я работаю одна.

Славка хрюкнул.

– Прости. Простыл где-то. Так вот. Теперь мы работаем в паре, если ты ещё не заметила. Так будет и дальше. А, иначе, зачем мне тебя спасать?

Я чувствовала себя зверем, загнанным в угол. Хотя... я же забыла, что смертельно больна. Что ж. Передам сеть осведомителей Славке, обучу нехитрым премудростям. Словом, будет, кому на похоронах моих всплакнуть.

– Ладно, паразит. Если доживу до следующего репортажа, славу со Славой поделим пополам. Чего искали люди в чёрном?

Мой неугомонный друг продолжал набивать себе цену.

– Скажу, если скажешь, как ты это провернула.

– Ну же!

Славик вновь хрюкнул.

– Прости, насморк.

— В курсе. Дальше.

Партнёр обиделся.

— Ладно, будем считать это обещанием. Итак. Люди в чёрном искали оригиналы платёжных ведомостей, накладные и отчёты о переводе средств, которые, как я думаю, драгоценнейший губернатор хранил в своём домашнем сейфе. А теперь скажи, Агеева, как ты выкрала кучу ценной бухгалтерской хрени?

Я почувствовала дурноту. Впрочем, в моём состоянии это могло быть нормальным явлением. Что делать? Теперь я сама стала преступницей. Стоит господину Лебзину обвинить меня в краже со взломом, а потом в подделке или переделке документов, и я сменю модный прикид на костюм в полосочку.

Ругая себя, на чём свет стоит, поёрзала на заборе. С этими анализами совершенно забыла подкинуть вещдоки назад или в место, о котором я могла сообщить сотрудникам прокуратуры. Раньше я работала именно так, и осечек не было. Никто ещё не вычислил неуловимого мстителя. А сейчас чёртова папка мирно покоилась на дне огромного чемодана, грозя стать уликой против меня. Идея пришла моментально. Надо бы закопать компромат, а лучше спрятать его тут, в заброшенном доме. Пусть душа почившего барина охраняет важные бумаги.

Наскоро простившись с Воробьёвым, дала обещание являться на сеансы связи вовремя и спрыгнула с забора. Тьма стучалась. Быстрым шагом я преодолела спуск и перевела дух только у подножья. Деревня находилась совсем близко. Её населяли богатыри мужского и женского пола, которые были вооружены и о-о-очень опасны. Встрепенувшись, я осмелела и взглянула на вершину холма, где за чёрным деревянным забором поскрипывал ставнями таинственный дом. В лесу кто-то ухнул. Наверное, филин. Мои нервы сдали. Подтянув штаны, я помчала в сторону съёмной избушки на всех парусах.

Глава 7

— Марья! Ты где? Вставай! Ох уж эти городские! Спать бы им до полудня!

Я с трудом разлепила веки. В прихожке, которую местные именовали сенями, что-то грохало и звякало. Наконец, дверь открылась, и в горнице появилась Галина.

— Который час? — мой рот сладко зевнул.

— Почти пять. — Местный медработник принялся выкладывать на стол содержимое огромной полосатой сумки аля девяностые. — Вот капуста, два вилка, как обещала. Титьки расти, как на дрожжах, начнут. Тут огурчики и помидорки, зеленюшка всяка разна. Это творожок и сметанка, всё домашнее, полезное. Сальце и картошка варёная, яйки. А это, — огромный пятилитровый бидон жалобно звякнул металлической крышкой, — молочко, парное, тёплое ещё. Пани Моника для тебя расстаралась.

Я с ужасом взидала на дары местных полей и ферм. Да столько я за месяц не съем!

В довершении ко всему кошмару на столе появилась трёхлитровая банка с подозрительной муляжкой. Никак водица из местного болотца.

— Отвар для иммунитета. — Галина наполнила вонючим зельем огромную литровую кружку. — Вставай и пей натошак.

Я тихонечко завывала, но подчинилась.

На вкус жидкий кошмар оказался не таким противным, как на вид. Галина сидела напротив, подперев подбородок кулаком.

— Ой, смотрю я на тебя. Не выглядишь ты болезной. Шо худющая, так это от городского питания. Там у вас все такие, швабры. А чего анализы попёрлась сдавать? Симптомы какие почуяла?

Вилка капусты придвинулся ко мне ближе. Оторвав верхний лист, я принялась ожесточённо жевать.

— Не, симптомов никаких не было. Доктор направил.

— Значит, были! — воодушевилась Галя.

Я тяжело вздохнула.

— Как сказать... Ладно. Я денег немного скопила, решила грудь поправить. Хирург пластический в областном центре велел перед операцией анализы сдать. Вот.

Лекарша всплеснула руками.

— С дубу рухнула девка! Эт же в Голивуде, будь он неладен, швабры титьки себе наращивают. А у нас...

— Капустка. Это я слышала. Только я не наращивать собиралась, а наоборот.

Сделав над собой усилие, задрала майку. Галина побелела и передвинула капусту к себе.

— Вот это да! И ты такое сокровище в сбрую второго размера втискиваешь?

Что я могла ответить? Галюся видела лишь титьки, а на их сочетания со всем остальным не обращала никакого внимания.

— Всё, Марья, капуста тебе противопоказана. Будем наращивать под дойки всё остальное. А по поводу СПИДа не заморачивайся. Думаю, ошибочка получилась.

Мне искренне хотелось верить в ошибочку, но ведь официальное лицо заявило со всей ответственностью, что бумажке с диагнозом нужно верить.

— Вот утрясётся тут всё, я сама с тобой в область съезжу. Коль диагноз тебе липовый поставили, разгромлю твой хваленый центр. Ты слюни сильно не распускай. Лучше на речку сходи.

— Утопиться?

— Тю на тебя, дура! Искупаться.

На речке собралась вся деревня. А я даже купальника не взяла. Впрочем, такая мелочь, как купальники, сельчан не волновала. Бабы плескались в шёлковых сорочках, мужики — в чём мать родила. Они выскакивали на берег, прикрывая причинные места руками, совершенно не стесняясь голых задниц.

Баба Люба загордила глаза огромной ручищей от солнца и призывно замахала мне.

— А ты ранняя пташка. Геть сюды!

— Сюды, сюды! — бодро прокричал Егорыч, вынырнув возле статной жены.

Любава отвесила благоверному смачную оплеуху, так, для профилактики, и погрузилась в речку с головой.

Я подошла к кромке воды вплотную и сунула туда палец. Судорога тут же свела ногу в куриную лапку. Я понимала, что температура была плюсовой, иначе H₂O неминуемо превратилась в лёд, но этого плюса катастрофически не хватало для моего полного комфортного погружения.

— Чаво, городская? — парни приостановили водные процедуры и уставились на меня во все глаза. — Водицы испужалась?

— А ну, братки, помоем девку!

Я и глазом не успела моргнуть, как несколько пар рук подхватили меня в полной амуниции, раскачали и метнули прямо в центр водоёма. Ледяная водица сковала тело, дыхание в груди перехватило, я пыталась барахтаться, глотая кучу бактерий, обитавших в местной речке, пока рядом не возникла Любава. Поймав меня за шиворот, она тряхнула щуплое тельце и помогла ему занять вертикальное положение.

— Не верещи так, Марья. Куры нестись перестанут. Чаво панику развела? Тут даже тебе по пояс будя.

Протерев глаза, я обнаружила, что речка не отличалась глубиной. Значит, топить парни меня не собирались. Решили пневмонией заразить. Гады!

Гады не ожидали, что я так расстроюсь. Виновато улыбаясь, они вытащили меня на берег и даже предложили донести до избы. От подобной услуги я отказалась, но злобу затаила. Вот освоюсь тут, найду их слабое звено и подшучу так, что мало не покажется.

Развесив на бельевой верёвке во дворе промокший прикид, задумалась. Сидеть в четырёх стенах не хотелось, но и расхаживать в махровом халате по деревне тут сочли бы некомильфо. Брючки у меня были одни (большую часть чемодана занимал комп и коллекция рабочих дисков). Значит, придётся отсиживаться во дворе, пока они не высохнут.

— Эй, Марья! Так тебя кличут?

— Муму. — Пробухтела я и выглянула за плетёную изгородь. Один из Герасимов мялся у калитки. — Чаво тебе, ирод? — если народ тебя не понимает, значит, ты не владеешь местным диалектом. Кажется, я владела.

Герасим обиделся.

— Я не ирод. Я Иван. Ваня, значит.

— Поняла с первого раза. Чаво припёрся?

Парень почесал заросший затылок.

— Мать прислала. Сказала, в таких штанах срамota одна ходить. Точно там у тебя подгузник полный, ну, между ног. — Он покраснел. — Платье тебе прислала, да фартук в огороде управляться.

Снова обман слуха? На всякий случай взглянула в сторону вытянутого на запад пальца. Огород Славкиной бабки начинался у избы и заканчивался где-то за горизонтом.

— Я в огород? Ты очумел, миленький?

Ваня выкатил глаза.

— Так как же? Все бабы у нас с огородом управляются. Бабка Варвара насажала всего, да померла. Мать тут вкалывала, думала, Славка явится, урожай соберёт.

– Вот и собери себе.

Иван обиделся.

– Нам чужого не надобно. Своё девать некуда. А Славка Егорычу звонил. Сказал, ты всё соберёшь и в банки закатаешь.

Как хорошо, что Воробьёв находился в сорока километрах отсюда. Разорвала бы штатника, аки зайца.

– Так чё, крутить будешь?

Я прищурилась. Работать в огороде не хотелось. Но так можно было беспалевно вырыть ямку и спрятать опасный компромат.

– Не приученная я, да ладно, Москва не сразу строилась.

Выхватив из рук Ивана Герасимовича пакет, направилась в дом.

Я вытрусилась на диван, нет, не чехол для танка, как предполагала. Три вполне приличных платья. Возможно, в них матушка утопителя ходила в детский сад? Не важно. Надев тёмное, в мелкий цветочек, подпоясалась фартуком. Посмотрела в мутное зеркало, вставленное в старый комод. Красота!

Звон в сенях заставил вздрогнуть. Галя! Что б её!

«Надо бы расчистить прихожку от банок и жестяных тазов!» — промелькнула в голове шальная мысль.

– Давно не виделись. Привет.

Соседка явилась не одна. За ней шествовал молодой человек форме блюстителя порядка. Вот и доигралась. Зажмурившись, протянула вперёд обе руки. Минуты шли, но ничего не менялось. Не почувствовав щелчка наручников, открыла глаза. Полицейский сидел за столом и с интересом поглядывал на меня. Мне же хватило и доли секунды, чтобы понять, парень не местный. Высокий, худощавый, он походил на тополь в дубовой роще.

– Евгений Викторович. Наш участковый. — Галя достала из холодильника бидон с молоком и придвинула к должностному лицу литровую кружку. — Пейте, Ваше благородие, не побрезгуйте!

Их благородие скривилось.

– Что за народ! Куда не зайдёшь — молоком отпаивают. У меня желудок не казённый. Хоть бы кто компоту налил или самогонки.

Я понимающе кивнула, а Галина покраснела.

– Откуда у нас самогон? А вот молочко — завсегда на здоровье. Худой Вы, Ваше благородие, аки жердь в заборе.

Теперь блюститель порядка пошёл красными пятнами.

– Ты мне это брось, Галина. Какое я тебе благородие? Не хочешь по имени и отчеству называть, называй по званию. Старший лейтенант.

– А я Маша, и как я понимаю, арестовывать Вы меня не будете.

– Есть за что? — старлей пристально посмотрел мне в глаза.

Я невинно улыбнулась.

– Что Вы, что Вы. Я невинна, как младенец. Вы посмотрите внимательно. Разве я могу сотворить что-то противозаконное?

Евгений снял форменную фуражку и аккуратно разместил на столе.

– Я тут вторую неделю живу. В ссылку, так сказать, отправили. А до этого в областном центре мэрию охранял. Так вот. Странные дела творились в то время в нашем королевстве. У многих важных персон стали пропадать ценные бумаги. А потом компромат на этих самых персон мистическим образом оказывался в местной газете и в прокуратуре.

– И что? — я насторожилась.

– Да ничего. Просто однажды таинственный мститель засветился.

Я проглотила комок в горле. Где я могла проколоться? Хитроумное устройство, купленное в интернете, блокировало все камеры.

– Злоумышленник приобрёл аппарат, блокирующий видеозапись, но доли секунды хватило, чтобы плёнка запечатлела вот это. — Полицейский порылся в дерматиновой папке и положил на стол смятый лист. Качество было отвратительным, но я сразу узнала свою... задницу. Мой верх уже находился за забором, в то время, как всё, что росло от пояса вниз, болталось перед ним.

Мне стало дурно. Вот сейчас старлей заставит предъявить мою попу, сравнит оригинал с фото и тут же арестует!

– Зачем Вы мне всё это показываете? На что-то намекаете?

Евгений пожал плечами.

– Что Вы, что Вы! Моя работа базируется не на намёках, а на уликах. Просто мне почему-то кажется, что Вы знаете мстителя.

Я открыла рот от удивления.

– Ваша дедукция работает в другую сторону. Я никого не знаю. — Эх, получилось как-то неубедительно!

– Моя дедукция работает нормально. Я слышал Вашу историю. Вот скажите, откуда Вы взяли обличающие документы? Не отвечайте. Скажу за Вас. Вы либо знаете мстителя, либо...

Я зажмурилась.

– Либо действуете с ним в паре.

Фух, кажется, пронесло. Обвинять в проникновении на частную территорию, как, собственно, и в краже, их благородие меня пока не собиралось. В редакции я работала под псевдонимом, главный ценил меня и свято хранил нашу общую тайну. Если б я не раскололась в этом селе, никто и никогда не узнал бы, что я причастна к расследованиям. Но теперь дело приняло другой оборот. Представитель власти обязательно доложит своему начальству, а те своему. Вскоре информация дойдёт до губернатора и отпетый мерзавец, прежде, чем сесть на нары, закопает меня собственноручно.

– Я никого не знаю. Информацию нашла в почтовом ящике. Всё!

Старший лейтенант рассмеялся.

– Ага. Некто оставил важные документы в почтовом ящике. Вы ими воспользовались. Только куда они делись потом? Мне доподлинно известно, что в прокуратуру они не попали, в редакции не появлялись. Значит... значит они у Вас!

Я думала, что упаду в обморок от волнения. Не упала. Но почувствовала, как покраснели мои щёки.

– Что с Вами? Вы нервничаете?

Нервничаю? Да это слабо сказано! Я находилась на грани нервного срыва. Спасибо Гали. Как истинный медработник, она тут же пришла на помощь.

– Хворая она. Температурит. Вы бы шли, Ваше благородие, в участок, не нервировали туристку. Ей ещё к дубу пёхать.

Доблестный полицейский надел фуражку, поднялся и кашлянул.

– Я это к чему, гражданка Мария? Будьте осторожны. А, если случайно встретите мстителя, пожмите его руку. От меня.

Влив в себя кружку молока, старлей покинул наш гостеприимный дом.

Глава 8

Я плелась со злополучной папкой, упакованной в «Спасибо за покупку» и озиралась по сторонам, как воришка. Благо, всё местное население занималось своими делами и под ногами не путалось. Вскарабкавшись на холм, подивилась своей храбрости. Да, в полуденный зной проклятый дом не казался таким страшным. Ветхим, унылым, жалким, но не страшным. После утреннего купанья мои брюки никак не хотели сохнуть. Пришлось идти в платье, совершенно не предназначенном для лазания по заборам. Но дело было безотлагательным! Первый звоночек в лице молоденького старлея оказался знаковым. Если не избавиться от улик, весь посёлок пойдёт со мной за соучастие. Оглянувшись ещё раз, и, убедившись, что никого поблизости нет, я перекинула сначала папку, а потом перемахнула через изгородь сама.

Огромный двор, сухие деревья. Посреди нереальной зелени этот уголок казался мёртвым. Это притягивало и отталкивало одновременно. Не веря в легенды, я подхватила пакет и смело вошла в приоткрытые двери.

Вот же дура! О фонарике я не позаботилась. Сделав два шага, услышала зловещий скрип половиц. Сразу стало как-то не по себе. Хотелось попросту бросить папку в дальний угол и бежать. Но нет! Я смелая, я сильная! Я санитар леса. Я в такие ляпы попадала! А это что? Всего лишь одинокий тёмный дом без хозяев. Чего мне бояться?

Чем дальше я шла, тем сильнее поддавалась панике. Я воровала компромат на сильных мира сего, не опасаясь ни огромных псов, ни охранников. А тут... тут... Эх, зачем только я местных сказок наслушалась?

За пустой глазницей окна мелькнула огромная тень. Не помня себя от ужаса, я заорала и кинулась прочь. Это было второй ошибкой. Гнилая доска под ногой издала протяжный жалобный скрип, я споткнулась и... нет, не провалилась под пол. Я зависла над тем самым полом. Точнее, часть меня, от головы до пояса, опустилась в пустоту подвала, а оставшаяся болтала ногами вверх. Злополучная папка выскользнула из рук и тихо шмякнулась о камни. Вот же чёрт! Я попыталась подтянуться, вылезти назад, но ничего не получалось. Звать на помощь? Да кто меня услышит? Нырять вниз? А что там, внизу? И тут случилось самое страшное. Прямо над головой послышались тяжёлые шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.